

спасителя в Халкопратии было скульптурное.¹ Но ведь иконоборческое „низвержение“ так и не пошло дальше попытки уничтожить эту статую, и утверждать, с чего начали иконоборцы и чем кончили, по одному этому случаю едва ли мыслимо.

Ряд „самостоятельных“ сообщений Феофана, вкрапленных по следующим годам и изображающих столкновения с иконоборцем-императором патр. Германа, уже не требуют такого детального обследования, так как все они не вносят ничего нового и существенного в изложение истории иконоборческого движения, не оживляют конкретным фактическим содержанием общих утверждений о крутом и беспощадном гонении на иконы и иконопочитателей при Льве III, которые так и остаются у Феофана безнадежно голословными. В то же время все они не внушают и к себе доверия, поскольку слишком отзываются риторикой и анекдотом и отличаются неуклюжим, сбивчивым распределением. В православной среде к началу IX в., когда составлял свою летопись Феофан, очевидно, накопилось и ходило много рассказов и поучительных „памяток“ о славном старце — патриархе, первом и последнем стойком борце за порушенное православие, пророке и чудотворце, оставившем после себя целый ряд писаний, в которых он высказывался против иконоборчества. И учительные послания Германа и его трактат *De haeresibus*, по многому заметно, были очень популярны: они читались и перечитывались в течение нескольких десятилетий. И недаром на Соборе 754 г. первой анафемой покрыто было особенно прославленное имя этого патриарха, а на Соборе 737 г. вновь торжественно читаны были послания его как образцы исповедания истинного благочестия, диакон же Епифаний в своем опровержении *„Ороса“* Собора 754 г. заявляет, что сочинения „уподобившегося божественным отцам“ патриарха „получили распространение и утвердились по всей вселенной“. Те же самые сочинения Германа, повидимому, одни из немногих или уцелевших, или даже просто существовавших ранних деклараций иконопочитания и опровержений иконоборчества, должны были служить и материалом для создания многочисленных рассказов о смелых и вдохновенных выступлениях его против „звероименного“ иконоборца-императора. Это и понятно при той любви к драматизации исторической передачи, которая характерна для византийских писателей VIII—IX вв.; но в то же время заставляет изучающего с великой осторожностью относиться к беседам и речам, которые приводятся в хронографии и агиографии даже со ссылкой на очевидцев, так как ясно, что перед нами лишь один из излюбленных литературных приемов в среде, искавшей прежде всего назидания и религиозного воодушевления, а не голой, холодной правды.² Часть этих рассказов, которые мы находим обильно рассыпанными и риторически приукрашенными главным образом в агиографии,³ включил в свое летописное повествование и Феофан, нагрузив ими год а. м. 6221. В его пределах и разыгрывается от начала до конца вся великая драма патриарха: здесь император делает первую попытку перетянуть Германа на сторону иконоборчества; здесь получает от него решительный отпор; здесь император переходит к попыткам

¹ Прямое указание на это находим у Кодина в *Excerpta de originibus Constantinopolitanis*: „in Chalce statuam aeream Domini nostri Iesu crexerat Constantinus Magnus...“.

² И. Андреев. Герман и Тарасий, 190.

³ Житие св. Стефана Нового. Акты Констант. мучеников, житие Никиты Мидийского и др.